

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Все оттенки желаний

Привилегия женщин

Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит

Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел

Не верь, не бойся, отпусти

Соблазны Снежной королевы

Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха

Дочь мафии

Жена самурая

Последнее японское предупреждение

Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров

Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

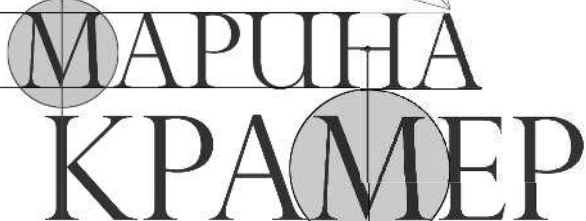
Дар великой любви, или Я не умею прощать

Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Требуется влюбленное сердце

Время злых чудес



МАРИША
КРАМЕР

ИНКОГНИТО
ГРЕШНИЦЫ,
ИЛИ НЕБЕСНОЕ
ПРАВОСУДИЕ

Москва



2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Крамер, Марина.

К77 Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие : [роман] / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-095132-1

От себя не убежишь. Тихая и мирная жизнь английской домохозяйки не устраивает Железную леди Марину Коваль. Ни новая прическа, ни новое лицо, созданное известными пластическими хирургами, не способны изменить мировоззрение Марины. Она понимает — это не для нее, да и повод все в очередной раз изменить находится быстро. Кто-то решил любой ценой избавиться от ее подруги Веты, муж которой, Гриша Бес, лежит в больнице с простреленной головой. Марина собирается поддержать подругу и для этого возвращается на родину. Но помощь Вете — не единственная цель Марины. У нее самой имеется парочка дел в родном городе. И теперь ничто не сможет ей помешать добиться справедливого правосудия и наконец-то разобраться в своих чувствах к любимым мужчинам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095132-1

© Крамер М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018



На свете сколько хочешь людей, которые ради денег готовы на все, они собственную душу продадут, найдись только покупатель.

Симадзаки Тосон, писатель

Выстрел. Хлопок. Пятно крови на белом листе бумаги — там, куда упало тело, пару секунд назад бывшее влиятельным человеком. Что-то подписывал — не успел. Скрепил кровью.

Последняя мысль кажется особенно удачной — «шутка юмора», можно даже кому-то рассказать как веселый каламбур. Убрать винтовку, аккуратно осмотреться — нет ли чего лишнего, не осталось ли следов пребывания на этом чердаке, и все — можно уходить. Дело сделано, деньги заработаны. Можно расслабиться и позволить себе что угодно — хоть бокал холодного пива с ярко-красными свежесваренными раками, хоть рюмку дорогого коньяка с ломтиком лимона. Деньги возносят на совершенно иную ступень, чем та, которую ты занимал прежде. «Из грязи в князи» — так мама говорила. Ну, в князи — так в князи. А что молодой — так не страшно. Этот недостаток, как известно, проходит очень быстро. Кто-то раньше начинает, кто-то позже. У него вот вышло так, как вышло, и жалеть не о чем.

«Мама-мамочка, ты тоже поймешь и осознаешь, что это — самый лучший выбор. И жизнь у нас с тобой будет теперь такая, какой ты была достойна все эти годы. И я — я! — тебе ее обеспечу».

А тело... да оно и при жизни-то ничего хорошего никому не сделало, тело это. Пусть гниет, не жалко.



БРИСТОЛЬ



Прошлое скапливается в воспоминаниях
единственного дня.

Хоригути Дайгаку, поэт

Хризантемы. Их столько, что невозможно посчитать, даже приблизительно невозможно представить, сколько их. Они только желтые, других нет — игольчатые, шаровидные, кустовые. Они лежат на кровати, на полу, на тумбочках. Они стоят в ведрах и вазах вниз по лестнице. Они умопомрачительно пахнут семечками — кажется, что где-то рядом поле подсолнухов с вызревшими уже семенами, одетыми в черную скорлупу, а внутри — молочная белая сердцевина. Этот запах — как связь с прошлым, все меняется, а это остается постоянным, некая константа, позволяющая не сойти с ума. Когда раз в году дом напоминает цветочный магазин, кажется, что ничего плохого не случилось. Да и как могло — когда вокруг столько цветов? Там, где есть цветы, не может быть горя. Хризантемы — маленькие персональные солнышки среди зимы, предназначенные только для нее. Для нее — единственной женщины на свете. И никакого труда нет в том, чтобы объехать все близлежащие городки, скупая эти хризантемы и бережно укладывая их сперва на сиденья, а потом в багажник джипа. И так почему-то радостно наблюдать за тем, как реагирует очередной цветочник на это хризантемовое безумие. А по-



Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

том всю ночь расставлять, раскладывать цветы, чтобы утром увидеть счастливую улыбку и услышать фразу, ради которой все затевалось: «Спасибо тебе, родной»...

— Вставай, родная. Ну, вставай же... ты так проспишь все на свете.

От поцелуев хочется укрыться под одеялом и еще пару минут побыть в блаженном забытии сна, там, где все всегда заканчивается хорошо. А что ждет ее тут, в реальном мире? Да ничего — один и тот же серый бристольский пейзаж за окном, шпиль собора, гуляющий с собакой сосед... Проклятая английская стабильность, от которой иногда хочется напиться.

Сегодня ей опять снился Егор — и потому пробуждение было особенно мучительным. Снова этот кошмар выбора между мертвым и живым. И от этого хочется волком завывать — ведь явно Женька старался и ездил за цветами, потому что она уже чувствует наполнивший квартиру запах хризантем. И надо открыть глаза, поцеловать мужа и сказать «спасибо, родной» — а сил нет. Нет сил — потому что во сне был он, единственный по-настоящему любимый человек. Муж. Егорушка. Малыш. Как же трудно постоянно жить прошлым, как невыносимо... И вроде он отпустил ее, не манил больше к себе — но она сама все еще иной раз возвращалась.

Взъерошив коротко стриженные платиновые волосы, женщина выбралась из-под одеяла, поправила сползшую бретельку ночной рубашки и села, прислонившись спиной к высоко поднятой подушке.

В ногах у нее полулежал широкоплечий мужчина в простой белой майке без рукавов и спортивных брюках. Улыбался и смотрел ласково, как на самое дорогое на свете:



МАРИНА КРАМЕР

— С днем рождения, любимая.

Она не успела ничего ответить — на пороге спальни возник рослый темноволосый мальчик лет восьми, одетый в форму одной из местных начальных школ. В руках у него — сверток в подарочной упаковке и белая роза на длинном толстом стебле. Огромная, с хороший мужской кулак, белая роза.

— Мамочка, с днем рождения! — Мальчик запрыгнул на постель к матери и обнял ее за шею, невольно оцарапав шипом розы. — Ты мой подарок первым посмотри, хорошо? А то я в школу опоздаю.

Она улыбнулась, стараясь скрыть, что шип цветка довольно сильно поцарапал кожу на шее, взяла сверток и низким хрипловатым голосом проговорила:

— Чувствую, ты постарался.

Мальчик с волнением наблюдал за тем, как тонкие пальцы женщины развязывают белую тесьму, потом разворачивают плотную бумагу, похожую на шахматную доску, и вот уже у нее в руках фотография в рамке — улыбающаяся именинница в обрамлении мелких хризантем, вылепленных из какого-то цветного материала явно вручную.

— Грег, ты что же — сам? — удивленно протянула женщина, рассматривая рамку и понимая, сколько кропотливого труда вложено в нее.

— Сам, — чуть покраснев от удовольствия, кивнул мальчик. — Это же твои любимые цветы. А фотография — моя любимая.

«В прошлой жизни я выглядела немного иначе», — произнесла она про себя, рассматривая снимок, на котором яркая длинноволосая брюнетка с чуть прищуренными глазами зажимает зубами дужку черных очков и лукаво улыбается, глядя в объектив.



Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

— Все, мамуля, я побежал — там миссис Каллистер ждет! Грег поцеловал мать в щеку, соскочил с кровати, хлопнул по плечу мужчину и выбежал из комнаты.

— Что это он взялся с Каллистерами ездить? — не совсем довольным тоном спросил мужчина, вставая и направляясь к окну, из которого был хорошо виден задний двор и калитка, у которой стоял припаркованный синий «Порше».

Женщина улыбнулась:

— А ты не знаешь? Ему очень нравится Анетт Каллистер.

— Ну и вкус, — покачал головой мужчина и отвернулся от окна, поправив штору. — Может, теперь и мне немного вашего драгоценного внимания перепадет, миссис Силва? — Он присел на край кровати и выжидательно посмотрел на блондинку.

— Ой, Женька... — болезненно поморщилась она. — Давай хоть наедине без этого, а? Я так от этого всего устаю — зубы сводит.

— Марина, мы сто раз обсуждали... — начал было он, но тут же оказался поваленным на постель, а Марина уселась сверху и вкрадчиво спросила, пробегая длинными алыми ногтями по белой майке от шеи вниз:

— Ты хочешь спорить? Или хочешь... а чего, собственно, ты хочешь? — И в глазах у нее было столько чертовщины, что Женька не выдержал.

— Ты когда-нибудь угомонишься?

— Нет! — заверила она со смехом. — Грега не будет до пяти часов. И я заслужила в свой день рождения немного фантазий, правда, дорогой?

Женька со стоном поднял вверх руки, признавая поражение.

— Ты невыносимая.

— Но ведь за это ты меня и любишь, правда?



МАРИНА КРАМЕР

Кофе Женька варил отменный, все именно так, как Марина любила — крепкий, немного корицы, молоко. Аромат заполнял кухню, вызывая странное ощущение счастья и покоя — так всегда бывало. Свежий кофе почему-то вселял уверенность в том, что все в порядке, ничего не произойдет. Марина с мокрыми после душа волосами, в черном шелковом кимоно сидела на высокой барной табуретке и держала в пальцах тонкую сигарету. Утренний ритуал, пусть и вынужденно сдвинувшийся сегодня больше чем на час. Пальцы Женьки, поставившего перед ней чашку кофе, все еще подрагивали — Марина по-прежнему выжимала из него в постели все по максимуму, но его это устраивало. Он очень боялся потерять ее, а потому старался соответствовать.

— Ну что, именинница, какие еще пожелания? — усаживаясь за барную стойку с другой стороны, спросил Женька,

Марина сделала вид, что задумалась, отпила кофе и, улыbnувшись, проговорила:

— Ты не хочешь прогуляться, пока Грегори в школе?

Женька осторожно перевел взгляд на окно — погода не баловала, было пасмурно, хмурые серые облака закрыли все небо, и вот-вот мог повалить снег, который не задержится долго, а моментально раскиснет и будет напоминать серую грязную кашу. Не самая подходящая для прогулок погода... Но отказать жене в ее капризе он не мог — чего бы этот каприз ни касался.

— Ну, одевайся, поедем.

Он тяжело поднялся с табурета и пошел в гардеробную.

Марина еще посидела в кухне с сигаретой и тоже стала собираться. Очень тянуло к любимым черным вещам, но вот уже довольно долгое время она запрещала себе делать то, что позволяла раньше, привыкая к новому образу и ново-



Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

му лицу. Это оказалось сложнее, чем она думала раньше. Ей казалось — ну, что такого, подумаешь, другой разрез глаз, другие губы, другие скулы и нос? Ведь главное, что внутри она не изменилась, осталась прежней, жесткой и тяжелой Мариной Коваль, которую знали и которую боялись. Но нет — каждое утро в зеркале отражалась совершенно другая женщина с более мягкими чертами, которой так не шло внутреннее «железо» нестигаемой Наковальни. Жить с этим несоответствием оказалось намного труднее. Марина старалась оттенить новый образ другими красками, попытаться хотя бы с помощью цвета смягчить тяжесть взгляда и скорбную складку, залегшую между бровей, но нет — этих ухищрений оказалось недостаточно. Даже манера разговаривать, курить, смотреть — во всем этом то и дело сквозила прежняя Коваль, никак не желавшая сдаваться.

Хохол молчал, глядя на все эти ухищрения, но Марина чувствовала — он не одобряет того, что она сделала, не может смириться, не хочет принять ее такую. Это неизбежно приводило к ссорам и долгим молчаливым вечерам. Маленький Грегори тоже никак не хотел смириться с новым обликом матери. Марина не могла без боли в сердце вспоминать первую встречу с сыном после возвращения из России. Это оказалось настолько тяжело и больно, что в какой-то момент Коваль устыдилась собственного эгоизма и нежелания выслушать чужую точку зрения. Ведь Хохол предупреждал ее еще до операции, что все может пойти именно так. Сын и его реакция были единственными аргументами, с помощью которых Женька пытался переубедить Марину и заставить отказаться от принятого решения. Но и это ее не удержало, не остановило.

Когда они вошли в дом, вернувшись из России, Грегори, бросившийся было к матери, вдруг замер на последней сту-



МАРИНА КРАМЕР

пеньке лестницы, вцепившись побелевшими от напряжения пальчиками в перила. Марина раскинула руки, как делала всегда, вернувшись домой откуда-то, но сын не кинулся к ней в объятия, не повис на шее. Он стоял и смотрел на нее, как на чужую, и от этого чистого детского взгляда ей было стократ больше, чем от любого удара. Григори не узнал ее...

Развернувшись и не сказав ни слова, мальчик ушел к себе в комнату и там заперся, а Коваль без сил опустилась на пол, закрыла руками лицо.

— А чего ты ждала? — жестоко осведомился Хохол, присаживаясь на корточки и начиная расстегивать ее сапоги. — Ты выглядишь так, словно я женился второй раз на совершенной твоей противоположности. И как пацан должен реагировать? Он ребенок! Я-то едва узнал, скорее по запаху, по ощущению — а он? Ему что делать? Прекращай давай, поднимайся. Я поговорю с Григом, объясню, сокру — да что угодно. Мы ему и так всю душу вымотали своими разборками, скандалами и передрыгами, а тут еще и ты — с таким лицом.

Говоря это, Женька продолжал раздевать ее, поставил на ноги, крепко встряхнул и, заглянув в глаза, велел:

— Иди к себе, полежи пока. Надо еще отца подготовить — слава богу, вертится, видно, в кухне, не услышал. Только инфаркта не хватало, он и так еле живой в последнее время.

Об этом она тоже не подумала — отец. Пожилому человеку такое потрясение ни к чему... И только Женька, все понимающий и прощающий Женька, готовый в любую секунду подставить плечо, взять на себя решение каких-то вопросов, думал, оказывается, и об этом тоже...

Воспоминания давались тяжело, Марина потрясла головой и решительно сдернула с полки гардеробной песочного цвета



Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

водолазку и такие же джинсы — внизу ждал Женька, нужно было использовать шанс побыть с ним вдвоем, поговорить, прижаться к его надежному плечу и почувствовать себя, как обычно, в полной безопасности.

Она старалась не водить здесь машину сама — никак не могла перестроиться под левостороннее движение, а навыки экстремального вождения только мешали, раззадоривая в ней желание утопить педаль газа в пол и рвануть мимо полисмена. Но Марина уговаривала себя сдерживаться и не вспоминать привычек из прежней жизни — так было намного безопаснее. Прошло более полугода с момента ее возвращения из России, но впечатления от поездки и отголоски ее до сих пор еще докатывались до тихого городка в Англии. Зажили рубцы после пластической операции, сделавшей Марину Коваль совершенно неузнаваемой, изменились какие-то жесты — но внутри она все равно оставалась той самой Наковальной, какой была долгие годы до переезда сюда. И то, что она устроила в родном городке, стараясь обезопасить себя и ребенка от нападков ставшего мэром родственника Гриши, вполне было в ее духе — разве что на этот раз пришлось загрести жар чужими руками. Но даже в этой ситуации она не утерпела и дала понять зарвавшемуся Бесу, что она причастна ко всему, что с ним происходило. Женька, конечно, орал и даже паспорт российский торжественно спалил в камине, но что это меняло? Ничего. Паспорт у нее был еще один, а будет нужда — найдется еще и еще. Дело в другом...

Марина вдруг поняла, что ей тесно в Англии, в этом уютном доме, в обустроенной и размеренной жизни, где каждый